

Её я получил незадолго до начала спецоперации, как сегодня принято называть военные действия России, защищающейся от Америки на территории Украины. Весомая такая посылка! Не спешите меня осуждать, что в такое непростое время посылки от «санкционеров» получаю! Ведь посылка эта пришла из Москвы от русского писателя вятского происхождения Василия Васильевича Килякова, назвавшего «Посылкой из Америки» свою новую книгу. Книга вышла до того, как нынешняя многолетняя холодная война перешла в горячую фазу, словно предвидел автор неизбежность такого перехода. И название всей книги, куда входит много рассказов и повесть, дал по одному рассказу, название и содержание которого сегодня вдруг из разряда художественности перешло в разряд злободневности. Впрочем, злободневность пройдет, а актуальность рассказа «Посылка из Америки» останется надолго. Просто в разные эпохи будут высвечиваться разные художественные грани этого рассказа, ставшего концептуальным для всей книги.

В лихие девяностые годы, про которые сегодня мы вспоминаем частенько, была в моде такая песня, которую пела красивая русская певица: «Я отдала тебе, // Америка-разлучница, // Того, кого люблю, // Храни его, храни!» В непростые годы после крушения советской власти многие русские парни предпочли искать лучшей доли за пределами России, кое-кто и в США, стране, которую тогда мы считали самой передовой и заботливой к своим гражданам. Однако рассказ Василия Килякова вовсе не о лихих девяностых, когда Америка стала разлучницей. Рассказ о том, что Америка для русского человека стала разлучницей гораздо раньше. Для бабки Марфы и деды Мити разлучницей поначалу стала Великая Отечественная война, но эта разлучница временная, ведь войны когда-то заканчиваются. А самой что ни на есть зачатой разлучницей молодых тогда Марфы и Мити стала задолго до лихих девяностых именно Америка, куда после войны попал муж Марфы, к тому времени уже четырежды отец их совместных детей. Вроде и не забыл он русскую жену и деток за океаном, прислал как-то им из Америки посылку с подарками. Это наделало много шума в сельсовете. В те послевоенные времена связи советских людей с границей, мягко говоря, не приветствовались. Но баба Марфа оказалась не пугливого десятка, хоть увещевали ее вернуть посылку, она сохранила подарки и даже упаковку от посылки вместе с письмами от мужа из далекой разлучницы-Америки.

И вот уже герой повествования, которого привела к бабке Марфе непогода, сидит у нее в избе и не может отказать гостеприимной хозяйке в ее просьбе почитать ей письма мужа, сама бабка видит плохо... Последнее из пожелтевших от времени писем очень грустное и, по всей вероятности, предсмертное, пронизанное такой тоской по России, что поневоле задумаешься вместе с автором:

«...Что в них, в этих березах? Отчего так живуча в сердце эта тоска по родине, да такая, что на чужбине человек заболевает nostalgia, даже гибнет. Страдает, не видя эти горизонты. Есть такая особенная торжественная грусть в этой срединной Руси, тоска обреченного, влекомого промыслом русского по своему голгофскому пути... Эта общая и одновременно частная дорога для каждого и для всех вместе – это именно голгофа России. И песни такие же: долгие, грустные, чаще – острожные. И пытался я вспомнить веселые песни – никак не мог. Все народные песни или песни, принятые как народные, грустны необычайно...»

Не зря говорится в народе русском, что «мила сторона, где пуп резан»... И не дай Бог русскому человеку познать всю глубину и неизбывность тоски по родине, ведь она неизлечима и крепнет по мере взросления человека...

...В книге, наряду со многими другими, есть рассказ «Письмо Сталину» – одно из известных произведений Килякова, навевающее классические ассоциации. Это ассоциации с Чеховым. Но у Антона Павловича Чехова мальчик Ванька Жуков писал письмо на деревню дедушке Константину Макаровичу. А у Василия Васильевича Киляков юный колхозник Колька, мечтающий об учебе в суворовском училище, вознамерился написать письмо вождю народов. Принимая во внимание неуклонно возрастающий интерес к эпохе и личности Сталина, логично предположить, что этот рассказ читатель прочтет едва ли не в первую очередь. И не прогадает!

Василий Киляков обладает нечастым сегодня талантом объемного, одного замеса с народным, языка и мышления, из которого проистекает также нечастое ныне качество. Имя ему – народная художественность. А возникает она из обретенного с младых лет не просто знания, но чувствования русского языка. Знания-то пополняемы книжным путем, словарей диалектных слов хватает, да вот только книжное знание народного наречия не даст писателю того ощущения подлинности, про которое говорят, что не язык – рабочий инструмент писателя, а – писатель становится инструментом того яркого самобытного народного наречия. Его не спутаешь ни с каким другим, и на него сразу и безошибочно отзывается душа русского человека.

Хочу отметить, что лично я с Киляковым не знаком, пока не знаком... И это, вроде бы, входит в противоречие моему принципу работы над литературными портретами писателей-современников. Но если задуматься – сколь часто личное поневоле отесняет собственно творческое. Ведь порой личность писателя не менее интересна, чем его произведения. Так вот и порой забывается главное: каждый писатель наиболее полной жизнью живет в своем творчестве. Прочитав того же Пушкина,

мы можем понять его не меньше, если не больше, чем понимали знавшие его лично современники!

Василий Киляков – признанный мастер рассказа. И снова вспомню Чехова, сказавшего про краткость – сестру таланта. Но не будем забывать, что рассказ происходит и вытекает из умения автора рассказывать. Испокон веков на Руси умелых рассказчиков уважали и любили, ведь до времени всеобщей грамотности молодое поколение именно через устную традицию общения со старшим поколением набиралось опыта жизни, проходило то нравственно-эстетическое воспитание, которое теперь в идеале призвана давать школа... Призвана-то она призвана, да когда все силы педагогов направлены на то, чтобы ученик сдал единый госэкзамен, набор маловразумительных тестов, то на общение учителя и учеников практически и времени-то в рамках школьной программы не остается.

И почему бы не рекомендовать включить хотя бы во внеклассное чтение рассказы того же Василия Килякова? В качестве хотя бы частичной компенсации недостаточности воспитания в детях через литературу, часы которой уменьшаются постоянно, именно русских людей. Помнится, в советское время на лето учитель русского языка и литературе давал довольно длинный список произведения внешкольной программы, которые следовало прочесть. Вряд ли такой список существует сегодня, уточнил бы я у своей жены, заслуженного учителя России, преподавателя математики, да жена давно на пенсии... Такой список книг для чтения надо вернуть! И почаще включать в него произведения современных русских писателей. Чем в этом смысле хороши рассказы Килякова? Они компактны по форме, но объемны по содержанию и воздействию на читателя. Они рассказывают о прошлом, которое актуально и сегодня.

В том же «Письме Сталину» живые представлены клубок всевозможных противоречий, которые делают жизнь и отношения людей столь непростыми. К примеру – противоречие поколений отцов и детей. В русской литературе о нем в свое время особенно явственно сказал Тургенев. Но существовало оно в мире с тех пор, как существует мир: на стенах древнего Вавилона во время раскопок нашли надпись на стене, мол, не та пошла сегодня молодежь. Написавший письмо Сталину с просьбой определить его в суворовское училище Колька, школьник послевоенной поры, живущий в разоренной войной сельской глубинке, поневоле становится не раз свидетелем спора родителей. Разговоры отца и матери частенько носят, скажем так, идеологический характер и небезопасны во времена могущества НКВД, пресекающего всякое инакомыслие. Время от времени Колькин отец, во время войны тяжелораненым попавший в немецкий плен, вызывается, как говорится, «на ковер» к уполномоченному в соответствующие органы, которые призваны лучше «перебдеть, чем недобдеть». Можно сколько угодно, с общечеловеческого гуманизма, ругать НКВД. Но как только оглянешься вокруг да увидишь, как и на телевидении, на ключевых постах власти сидят форменные враги народа – так и желание осуждать НКВД как-то пропадет. Потому любую эпоху надо судить по ее законам.

Вот и на этот раз спящий под теплым лоскутным одеялом Колька услышал разговор родителей – сердитый полусшепот матери и голос оправ-

дывающегося отца, которого опять вызвали в райцентр для очередного допроса, как не раз вызывали до этого. Отец постеснялся попросить у председателя колхоза лошадь и в холодную распутицу предпочел отправиться в райцентр пешком, чем и вызвал нескрываемый гнев жены, матери Кольки:

«Ты ведь молчун, – приставала мать, беспрестанно работая возле печи, временами вытирая лицо подолом фартука. – Ты не выпросишь, не напустишься. А у них надо не просить, а вырывать. Из горла вытаскивать...»

Сама абсурдность ситуации, что человека, попавшего в плен тяжело-раненым, время от времени вызывают в «органы» с проверкой, похожа на ту, когда обезноженных на войне инвалидов после войны долгое время периодически вызывали для подтверждения инвалидности в медучреждения, словно за год или два у них могла отрасти новая нога взамен потерянной на войне. Осекая разгневанную жену, отец Кольки боится не только за то, что вдруг кто услышит гневные выпады жены против Сталина и донесет. Отец боится и за Кольку, чтобы не услышал и не взял в голову то, что советскому школьнику брать не следует.

«Колька, высвободив голову из-под одеяла, плохо соображал, о чем спорят родители. Всякий раз, когда отца «таскали» к уполномоченному, споры шли часами. Мать нехорошо говорила о Берии, материла Сталина. Как-то осердилась так, что проткнула ухватом портрет вождя. Колька даже хотел пожаловаться на нее в сельсовет, но удержался: он любил мать...»

Когда-то в России при войне белых с красными Павлик Морозов рассказал про поведение «белых» родственников красным командирам, за что был убит родственниками. Но то было ДО Великой Отечественной войны, которая кровавыми штыками фашистов объяснила, что родное не отвергает родное, что недостаток любви к ближнему чреват смертельными последствиями, как и вышло с Павликом Морозовым. Его официальная советская пропаганда прославляла как героя, убитого врагами за то, что его вера в революцию побудила поставить родное после общественного. А вот Колька любил мать, и это чувство любви удержало его от соблазна пожаловаться на нее за ее крамольные слова. Тем не менее в случае с Колькой, который порой подумывал пожаловаться на мать, ясно видим противоречие отцов и детей, в котором нет виноватых, потому что противоречие старого и нового является двигателем жизни.

И вот грамотный (письменный, по выражению матери, гордящейся грамотностью сына) Колька не удержался и написал все-таки Сталину. Но не про мать, которая ругает вождя народов. А письмо с просьбой устроить его в желанное суворовское училище. С адресом на концерте, правда, как и у чеховского Ваньки Жукова, у Кольки тоже вышли проблемы. Ванька написал «на деревню дедушке Константину Макарычу», сделав на века фразу крылатой. С «письменным» Колькой получилось примерно то же самое:

«...Высунув язык от усердия и слизывая набегавшие, как назло, сопли, яростно шмыгая носом, написал: «Москва. Кремль. Воздю всех времен и народов И.В. Сталину». И подумав, добавил: «Любимому и дорогому». Потом подул на перо, опять пошмыгал носом и вывел в уголке, в самом низе конверта: «Лично в руки. Жду ответа, как соловей лета!»

Письмо, конечно же, дальше сельсовета никуда не ушло, и его вернули родителям Кольки, за что отец так осерчал на него, что чуть не избил. И избил бы, если бы не мать, гордящаяся грамотностью сына (письмённый, далеко пойдёт). А ведь наверняка так и будет, учитывая, что в советское время, когда не было терминов «социальный лифт», такие лифты всюду действовали в обществе. И дети из простых семей становились учеными, писателями, руководителями. Ведь они были «письменные», грамотные благодаря «кровососу» Сталину и советской власти. И это еще одно противоречие русской жизни, из которого растёт художественно осмысленная русская литература.

Эдуард Константинович Анашкин
Самарская область

